

А. С. Пушкин

**ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

1946

«ЗЛАТОУСТ»
МЮНХЕН — ШЛЯЙСХАЙМ

А. С. Пушкин

***Избранные
стихотворения***

«ЗЛАТОУСТ»

А. С. ПУШКИН

Александр Сергеевич Пушкин

(Биографический очерк)

Александр Сергеевич Пушкин родился 26 мая 1799 г. в г. Москве в старинной дворянской семье: боярский род Пушкиных насчитывает около 600 лет, и своей родословной поэт очень гордился. С материнской стороны Пушкин приходился правнуком знаменитому царскому арапу Ганнибалу, которого он вывел потом в своей повести «Арап Петра Великого».

Будущий поэт рос молчаливым неповоротливым мальчиком и своей флегмой выводил из себя порывистую страстную мать, перенесшую свою любовь на дочь и младшего сына Льва. Может быть, первые столкновения с гувернантками и гувернерами, на попечение которых был отдан мальчик, «первые неприятности», как он называет их в своих отрывочных записках о своем детстве, послужили первым толчком к перемене его характера.

Второй причиной — была рано проснувшаяся в нем страсть к чтению, страсть оставшаяся на всю жизнь; он больше никогда не расставался с привычкой к чтению. Он рано прочел все книги, находившиеся в библиотеке отца — всего Мольера, Вольтера, Руссо, и бывших в моде тогда французских писателей 18-го века, влияние которых так ощущается в его первых детских

опытах. Так, в подражание Мольеру он написал на французском языке комедию, и целую поэму в духе Вольтера.

Теперь он становится подвижным, непослушным мальчиком; в эти годы только бабушка его, Мария Алексеевна Ганнибал и няня Арина Родионовна могут справиться с ним, только их, в сущности, он считает близкими и любит. Вероятно, поэтому, родители решили рано отдать мальчика в закрытое учебное заведение, и подалее от дома. Дяде его, Василию Львовичу Пушкину, известному салонному поэту 20-ых годов, было поручено отвести мальчика в вновь открывающееся учебное заведение — Царскосельский Лицей. 12-го августа 1811 г. Пушкин выдержал вступительный экзамен, а 19-го октября 1811 года состоялось открытие Лицея.

Режим в новом Лицее был довольно свободным, и во многом непохожим на порядки в других учебных заведениях: обращение с воспитанниками преподавателей и гувернеров было вежливым, что требовалось, в свою очередь и от детей в их отношениях друг к другу, и к старшим. Запрещалось грубое обращение с кем бы то ни было; ни увольнения, ни оставления на второй год, ни распространенных в то время телесных наказаний в Лицее не практиковалось. Воспитанники выписывали журналы и газеты, много читали, разыгрывали пьесы на школьном театре, издавали свой журнал.

Вот как характеризует Пушкина в это время его лицейский товарищ, сосед по лицейской комнате и наиболее близкий ему друг — («мой первый друг, мой друг бесценный») — декабрист И. И. Пущин: «Пушкин с самого начала был раздражительнее многих, и потому не возбуждал общих симпатий. Иногда неуместными шутками, неловкими колкостями, он ставил себя в затруднительное положение, не умея потом из него выйти. В нем была смесь излишней смелости с застенчивостью, и то и другое невпопад, что ему много вредило».

Несомненно одно: Пушкин выдавался среди товарищей своей талантливостью; по общему отзыву профессоров, он обладал изумительной памятью и восприимчивостью, что позволило ему учиться без особого труда. И товарищи, и преподаватели видели в нем будущую знаменитость, особенно после появления в «Вестнике Европы» в 1814 году его стихотворения «К другу стихотворцу», подписанного «Алекс. Н. к. ш. п.», и публичного экзамена в лицее 8-го января 1815 года, на котором Пушкин прочел свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе». Присутствовавший на экзамене престарелый поэт Державин, в восторге от таланта юноши, хотел его обнять, но Пушкин убежал, и его нигде не могли найти.

В это время он был уже знаком с Жуковским, Батюшковым, кн. Вяземским, бывшими в дружеских отношениях с дядей Пушкина, Василием Львовичем; эти поэты нередко навещали Пушкина в Лицее.

После окончания Лицея, Пушкин поступил на службу в Государственную Коллегию Иностранных Дел. Его первые стихотворения были встречены с восторгом в литературных кругах, и скоро Пушкин вступил в один из многих существовавших тогда литературных кружков — Арзамас, где, по шутливому обычаю, получил прозвище «Сверчка», так как его голос впервые был слышан еще из стен Лицея. Он был всеобщим баловнем, его острых эпиграмм старались избегать и домогались его посланий, как отличия — говорит его первый биограф П. В. Анненков.

Одновременно он бросается в вихрь светских удовольствий и развлечений, которыми жила столичная молодежь. Это было время небывалого оживления и блеска после Отечественной войны; с своим горячим, некротимым темпераментом, Пушкин хотел все видеть, все изведать, и везде быть первым. Светская жизнь захватила его целиком.

Однако «свет» ему скоро прискучил, он «угорел» в нем, по его собственному выражению; теперь он всецело отдается увлечению театром. Его отрывочные замечания о русском театре позволяют видеть в нем зрителя тонко чувствующего, на редкость образованного и чуткого. Кружок театралов, куда вступил теперь Пушкин, назывался «Зеленая лампа»; в собраниях этого кружка, за ужином он читал свои стихотворения, экспромты и эпиграммы. Здесь, однако, кроме веселых пиров, происходило и другое. На следствии по делу о заговоре декабристов выяснилось, что «Зеленая лампа» являлась одним из отделений тайных обществ, и была учреждена Союзом благоденствия. Настроение времени, несомненно, передалось и поэту, и нашло выражение в резких и сильно написанных стихотворениях того времени. В это же время он продолжает работать над поэмой «Руслан и Людмила», и 26-го марта 1820 года он прочел друзьям последнюю песню поэмы. Поэма была сдана в печать, когда над поэтом разразилась гроза: за его оду «Вольность», решено было выслать поэта из Петербурга; официально он направлялся в служебную командировку к наместнику Бессарабской области генералу Инзову.

Поэт выехал из Петербурга в мрачном настроении, которое затем усилилось болезнью: он схватил лихорадку, купаясь в Днепре. В этом положении его нашел его знакомый — офицер Н. Н. Раевский, сын героя Отечественной войны. Он познакомил Пушкина с своим семейством — отцом и сестрами, с которыми поэт и отправился лечиться на Кавкаские минеральные воды и потом в Крым. К этому времени относится его первое платоническое увлечение сестрой Н. Н. Раевского — Марией Николаевной, впоследствии женой декабриста князя Волконского. Это чувство нашло потом отражение в некоторых строфах Онегина и в замечательном посвящении Полтавы. Только через несколько месяцев Пушкин простился с семьей Раевских, отправился один в Кишинев, куда

было переведено управление Бессарабской области. Начинаясь Кишеневский период в жизни поэта; «командировка» оказалась бессрочной, и казалась ему безконечной, друзья как бы забыли его, он оставался под надзором. Все это отражалось на мрачном настроении поэта. Выход из этого положения, из этой тоски, Пушкин нашел в рассеянной жизни. Он ухаживал, заводил связи, предавался игре; к этому времени относится ряд его столкновений с самыми различными лицами, и по самым различным поводам, и некоторые столкновения кончаются дуэлью. Друзья его с беспокойством следили за жизнью поэта на юге, и, наконец, князю Вяземскому и Н. Тургеневу удалось исхлопотать перевод Пушкина в Одессу, к вновь назначенному губернатору графу М. С. Воронцову. Летом 1823 года Пушкин приехал в Одессу.

Шумная, оживленная Одесса с ее блестящим обществом, среди которого Пушкин нашел своих друзей Раевских, а также много людей близких Жуковскому и Вяземскому, — пленила Пушкина. Его имя было хорошо известно; для молодежи он одновременно являлся по-этом и политическим изгнанником. Эта популярность льстила Пушкину, но неизбежно навлекла на него подозрение и новые неприятности, тем более, что Воронцов вовсе не был склонен разделить чувство общества к поэту: для него Пушкин был только чиновником, к тому же опальным. Он утомлял Пушкина мелкими служебными поручениями довольно унижительного характера. Пушкин отвечал колкими эпиграммами. Кончилось тем, что в мае 1824 года, губернатор приказал Пушкину отправиться с самыми низшими чиновниками канцелярии на истребление саранчи. Оскорбленный поэт покорился, но по возвращении, написал прошение об отставке. Воронцов выставил в Петербурге дело Пушкина в самом неблагоприятном свете, и в результате, последовало распоряжение Императора Александра I-го об исключе-

нии Пушкина из службы и о высылке его в Псковскую губернию, в усадьбу его отца, под надзор последнего.

Не следует думать, что в этот период своей жизни Пушкин только развлекался. Натуры, подобные Пушкину, при всей рассеянности внешней жизни, не могут, в то же время, жадно не стремиться к новым знаниям, не обогащать себя новыми впечатлениями, и не могут, наконец, не творить. В кишиневский и одесский период, Пушкин не только изучал край, местные нравы, язык, географию и историю, не только записывал местные предания и легенды (отражением которых являются Черная шаль, Цыганы, Кирджали), но и написал Кавказского пленника и начал Бахчисарайский фонтан, Братьев разбойников и Онегина.

В августе 1821 года Пушкин приехал в Псковскую губернию в село Михайловское, в котором он провел два года. Это — период одиночества, тем более тяжелого, что Петербург манил его своей близостью. С друзьями он мог только переписываться; его развлекала теперь только няня — Арина Родионовна, без конца рассказывавшая поэту русские народные сказки, и свидания с немногими соседями. Он много пишет. Осень — любимая пора поэта, пора — наиболее плодотворная для его творчества; в это время он написал «Бориса Годунова», четыре главы «Евгения Онегина», «Графа Нулина», «Подражания Корану»; это главные произведения Михайловской поры. В этом одиночестве поэта неожиданно посетили некоторые его лицейские друзья: Пущин (привезший Пушкину рукописный экземпляр Горя от Ума), барон Дельвиг и князь А. М. Горчаков. Это бесконечно тронуло и ободрило Пушкина.

А 5-го сентября 1826 года в Михайловском неожиданно появилась фельдгерская тележка: Пушкину велено было прибыть в Москву, где в это время происходили торжества коронации Императора Николая I-го. Пушкин был доставлен в Чудов монастырь, где был при-

нят Императором. Беседа происходила без свидетелей; как говорит предание, Пушкин протянул руку Государю и обещал сделаться другим. Царь предложил Пушкину избрать место жительства, и продолжать писать, представляя все на просмотр Царю, как его единственному цензору. Современники говорят, что приезд Пушкина в Москву произвел огромное впечатление: его всюду встречали овациями, носили на руках, приглашали в дома. Обрадованный свободой, Пушкин думал, что для него наступила новая жизнь. Скоро, однако, наступило разочарование: надзор за поэтом, в сущности, не был снят, Борис Годунов не был пропущен Царем, а по поводу двух стихотворений — Андре Шенье и Гаврилиады возникли судебные следствия; тяжелое настроение поддерживалось довольно запутанными денежными делами. Он проводит время в постоянных переездах и пишет мало, но в любимую осеннюю пору Пушкин пишет в две недели свою Полтаву.

В 1828 году Пушкин встретил 16-ти летнюю красавицу Н. Н. Гончарову, которой весной он и сделал предложение. Предложение не было отвергнуто, но ввиду молодости невесты, поэту было предложено подождать. Огорченный Пушкин отправился на Кавказ, дошел с войсками Паскевича до Эрзерума, но, в виду появления чумы, вновь вернулся в Москву, где принял участие в литературной газете барона Дельвига.

В 1830 году поэт получил разрешение Царя на вступление в брак и на печатание Бориса Годунова. Этой же осенью в нижегородской своей деревне Болдино, Пушкин написал «Пир во время чумы», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Повести Белкина», 8-ую и 9-ую главы Онегина, а также множество лирических стихотворений.

18-го февраля 1831 года в Москве состоялось венчание Пушкина с Н. Н. Гончаровой, и Пушкины переехали в Петербург. Поэт вновь очутился в вихре свет-

ской жизни. В феврале 1833 года Гоголь писал Данилевскому: «Пушкина нигде не встретишь как только на балах; так он протранжирует всю жизнь свою, если только какойнибудь случай, а более необходимость, не затащут его в деревню». Он почти без денег, вынужден войти в долги, чтобы иметь возможность вести рассеянный светский образ жизни. Для работы нет ни времени, ни уединения. Летом 1833 года Пушкин предпринял все таки поездку в Казань, Симбирск и Оренбург для изучения материалов по истории Пугачевского бунта. По возвращении, на пути он останавливается в Болдине, где пишет «Медного Всадника», «Анджелло», две сказки и переводы из Мицкевича.

В 1834 году поэт был пожалован в камер-юнкеры. Это придворное звание ни с какой стороны не подходило к поэту: ни по возрасту, ни по положению. Оно унижало Пушкина. В этот период рассеянной петербургской жизни, в постоянной тревоге и нужде, Пушкин продолжал работать над Пиковой Дамой и Историей Пугачевского Бунта, на печатание которого ему было выдано из казны заимообразно 20.000 рублей. Кратковременная поездка поэта в Михайловское в 1835 году не дала желаемого успокоения, он почти ничего не написал в это время. В 1836 году Пушкину было дано разрешение на издание «Современника», и теперь Пушкин становится профессиональным журналистом. Одновременно он продолжал работать в архивах над изучением материалов по истории Петра Великого. Он все больше запутывается в долгах, мало пишет, замыкается в себе, становится все более и более раздражительным, придирчивым, и у него снова, как в молодые годы, происходит ряд столкновений с разными лицами.

С осени 1836 года начинается роковой период в семейной жизни поэта.* Н. Н. Пушкиной увлекся молодой офицер, француз Дантес, недавно зачисленный в гвардию по ходатайству голландского посланника Геккерена,

ставшего, вскоре, его приемным отцом. Открытое ухаживание Дантеса за женой Пушкина повело к сплетням столь оскорбительным для чести поэта, что он не нашел, и не мог найти другого выхода, как дуэль.

Дуэль Пушкина с Дантесом состоялась на Черной речке близ Петербурга 27-го января 1837 года. Пушкин был смертельно ранен, и в тяжких мучениях скончался 29-го января. По приказанию Царя, тело поэта было перевезено другом его, Н. Тургеневым, для погребения в Святогорский монастырь.

К О З А К

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой козак.

Черна шапка набекрене
Весь жупан в пыли,
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся в даль.

Вот пред ним две, три избушки —
Выломан забор;
Здесь — дорога в деревушки,
Там — в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы»,
Думал хват Денис;
«Уж красавицы в светлицы
«На ночь убрались».

Шевельнул донец уздою,
Шпорой прикольнул.
И помчался Конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна серебрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девушка-краса.

Храбрый видит красну деву:
Сердце бьется в нем;
Конь тихонько к леву, к леву —
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
«Скрылася луна.
«Видь, коханочка, скорее,
«Напои коня».

— «Нет, к мужчине молодому
«Срашно подойти,
«Страшно выйти мне из дому,
«Коню дать воды».

«Ах! не бось, девушка красна,
«С милым подружись;»
— «Ночь красавицам опасна».
«Радость, не страшись!

«Верь, коханочка, пустое,
«Ложный страх отбрось!
«Тратишь время золотое,
«Милая, не бось!

«Сядь на борзого; с тобою
«В дальний еду край;
«Будешь счастлива со мною:
«С другом всюду рай».

Что же девушка?... Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась;
Счастлив был козак.

Поскакали, полетели.
Дружку друг любил,
Был ей верен две недели,
В третью изменил.
1814.

П Е В Е Ц

Слышали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слышали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесов
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
Встречали ль вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

1816.

Д Е Р Е В Н Я

Приветвую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья!
Я твой: я променял порочный двор царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья

На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный сад

С его прохладой и цветами,

Сей луг, уставленный душистыми скирдами,

Где светлые ручьи в кустарниках шумят.

Везде передо мной подвижные картины:

Здесь вижу двух озер лазурные равнины,

Где парус рыбака белеет иногда,

За ними ряд холмов и нивы полосаты,

Вдали рассыпанные хаты,

На влажных берегах бродящие стада,

Овины дымные и мельницы крылаты;

Везде следы довольства и труда.

Я здесь, от суетных оков освобожденной,

Учуся в истине блаженство находить,

Свободною душой закон боготворить,

Роптанью не внимать толпы непросвещенной.

Участьем отвечать застенчивой мольбе,

И не завидовать судьбе

Злодея, иль глупца в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!

В уединеньи величавом

Слышнее ваш отрадный глас:

Он гонит лени сон угрюмый

К трудам рождает жар во мне,

И ваши творческие думы

В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:

Среди цветущих нив и гор

Друг человечества печально замечает

Везде невежества губительный позор.

Не видя слез, не внемля стоны,

На пагубу людей избранное судьбой,

Здесь барство дикое, без чувства, без закона

Присвоило себе насильственной лозой

И труд, и собственность, и время земледельца;
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам

Неумолимого владельца

Здесь тягостный ярем до гроба все влекут;
Надежд и склонностей в душе питать не смея,

Здесь девы юные цветут

Для прихоти развратного злодея;

Опора милая стареющих отцов,

Младые сыновья, товарищи трудов,

Их хижины родной идут собою множить

Дворовые толпы измученных рабов.

О, если б голос мой умел сердца тревожить!

Почто в груди моей горит бесплодный жар

И не дан мне в удел витийства грозный дар?

Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный,

И рабство, падшее по манию царя,

И над отечеством свободы просвещенной

Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?

1819

Ч Е Р Н А Я Ш А Л Ь

Молдаванская песня.

Гляжу как безумный на черную шаль,

И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,

Младую гречанку я страстно любил.

Прелестная дева ласкала меня;

Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;

Ко мне постучался презренный еврей.

С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя.

Я дал ему злата и проклял его,
И верного позвал раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстром коне,
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света: булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал,
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моления, текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь.

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

1820.

Э Л Е Г И Я

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец;
Живу печальный, одинокой,
И жду: придет ли мой конец?

Так поздним хладом пораженной
Как бури слышен зимний свист,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

1821.

П Т И Ч К А

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать?

1822.

Н О Ч Ь

Мой голос для тебя, и ласковый, и томной,
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,

Текут, ручьи любви, текут полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя.
1823.

У З Н И К

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный на воле орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном.

Клюет и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим,
И вымолвить хочет: «давай улетим!»

«Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!...»
1822.

* * *

Изыде сеятель сеяти семена своя.

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В поработанные бразды
Бросал живительное семя;
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не пробудит чести клич!
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими, да бич.

1823.

К М О Р Ю

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим.

Как я люблю твои отзвуки,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиранный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый, —
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя;
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминая величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шумы, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могуц, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?

Судьба людей повсюду та же:
Где благо, там уже на страже
Иль самовластье, иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

1824.

* * *

(Евпр. Николай Вульф).

Если жизнь тебя обманет, —
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

1825.

К А. П. К Е Р Н.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежной
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

1825.

З И М Н И Й В Е Ч Е Р .

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя:
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалой,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя:
То, как зверь, она завоет,
То заплачет как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей!

1825

П Р О Р О К.

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачилсЯ,
И шестикрылый Серафим
На перепутьи мне явился;
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:

Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содраганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословной и лукавой.
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
„Восстань, Пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.“

1826.

О С Е Н Ь И З И М А

* (Строфы XL, XLI и XLII из главы 4 „Евгения Онегина“).

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,

Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял Ноябрь уж у двора.

XLI

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный
Несется в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовет его рожок;
В избушке распевая, дева
Прядет, и, зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней.

XLII

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы — розы:
На, вот, возьми ее скорей!)
Опрятней модного паркета,
Блится речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед;
На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользит и падает; веселый
Мелькает, вьется первый снег,
Звездами падая на брег.

З И М А

(Из главы V „Евгения Онегина“).

I

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в Январе
На третье в ночь. Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор;
На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорок веселых на дворе
И мягко устланные горы
Зимы блистательным ковром.
Все ярко, все бело кругом.

II

Зима! . . . Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обнавляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегаёт дворовый мальчик,
В салазки Жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно, и смешно,
А мать грозит ему в окно . . .

С Т А Н С Ы

В надежде славы и добра
Гляжу вперед и без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой Он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред Ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд,
Во всем будь Пращуру подобен:
Как Он неумолим и тверд,
И памятью, как Он незлобен.
22 декабря 1826. Москва, у Зубкова.

З И М Н Я Я Д О Р О Г А

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной,
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучной
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаютя одне.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина; путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен
Отуманен лунный лик.
1826.

П О Э Т

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон.
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может всех ничтожней — он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы;
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы . . .
15 августа 1827 (Михайловское).

А Н Ч А Р

Древо яда.

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит, один во всей вселенной!

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною
И застывает ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набежит —
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к Анчару властным взглядом:
И тот послушно в путь потек,
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу,
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел, и лег
Под сводом шалаша, на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А царь тем ядом напичкал
Свои послушливые стрелы,
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

9 ноября 1828. Деревня Малинники.

ИСПАНСКИЙ РОМАНС

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот, взошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркой день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

1824.

* * *

Все в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,

И славы блеск, и мрак изгнанья
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

ЧЕРКЕССКАЯ ПЕСНЯ

I

В реке бежит гремящий вал,
В горах безмолвие ночное,
Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

II

Казак плывет на челноке,
Влача по дну речные сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой.
Чеченец ходит за рекой.

III

На берегу заветных волн
Цветут богатые станицы,
Веселый пляшут хоровод.
Бегите, русские певицы,
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой.

П Р И М Е Т Ы.

(А. А. Олениной).

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивой.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты.
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.
1821.

В А Л Ь Б О М

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине
Произнеси его тоскуя,
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.
1829

* * *

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

1829.

О Т Р Ы В О К

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — от того,
Что не любить оно не может.

1829.

К А Л М Ы Ч К Е

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть на зло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,

Ты шелком не сжимаешь ног;
По-английски, пред самоваром,
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погруляешься в мечтаньи,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: Ma dov'è
Галоп не прыгаешь в собраньи...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мы запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! Не все ль одно и то же:
Забиться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

22-го мая 1829.

Д Е Л И Б А Ш.

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, казак, не рвися к бою!
Делибаш на всем скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.
7 сентября 1829 г.

Д О Н

Блеща средь полей широких,
Вон он льется!... Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата
Реки знают тихий Дон:
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искреметный
Виноградников твоих.
1829

К А В К А З

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там, ниже, мох тощий, кустарник сухой:
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых брегах,
И нищий уездник таится в ущельи,
Где Терек играет в свирепом весельи;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! Нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

20 сентября 1829 г.

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

Долго ль мне гулять на свете,
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил.

На каменьях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольной соблюдать,
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой раз'езжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, по утру чай,
То ли дело, братцы, дома!...
Ну, пошел же, погоняй!...
4-го октября 1829 г.

* * *

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?

Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша, Мы встаем и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев потравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет,
Свеча темно горит; стесняясь, седце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру, сижую. насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную: там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска. Так день за днем идет в уединенье:
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижую я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы),
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о Боже мой; становится полна:
Сначала косвенно внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,

И вальсы резвые, и шопот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

2-го ноября 1829 г.

З И М Н Е Е У Т Р О

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры,
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче . . . погляди в окно:

Под голубыми небесами,
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.

Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня,
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.
3-го Ноября 1829.

С Т А Н С Ы

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ли в многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провожать,

Грядущей смерти годовщину
Меж них стараюсь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

26-го Декабря 1829 года.
С.-Петербург. 3 часа 5 минут.

Б Е С Ы

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин . . .
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин.

Эй, пошел, ямщик! . . . «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;

Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

«Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Уони стали... Что там в поле?
«Кто их знает: пень, иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят:
Вон уж он далече скачет,
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собрались
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! Куда их гонят?

Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...
1830.

ПАЖ, ИЛИ ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОД

C'est l'âge de Chérubin.

Пятнадцать лет мне скоро минет
Дождусь ли радостного дня?
Как он вперед меня подвинет!
Но и теперь никто не кинет
С презреньем взгляда на меня.

Уж я не мальчик; уж над губой
Могу свой ус я зашипнуть;
Я важен, как старик беззубый;
Вы слышите мой голос грубый:
Попробуй кто меня толкнуть!

Я нравлюсь дамам, ибо скромн,
И между ними есть одна...
И гордый взор ее так темен,
И цвет ланит ее так томен,
Что жизни мне милей она.

Вечор она мне величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядеть налево и направо,
То даст она мне яду — право,
Вот какова ее любовь!

Она строга, властолюбива.
Но я дивлюсь ее уму;
И ужас как она ревнива,
За то со всеми горделива
И мне доступна одному.

Она готова хоть в пустыню
Бежать со мной, презрев толпу.
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню?...
Нет, ни за что не назову!
1830.

Э Л Е Г И Я

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело как смутное похмелье,
Но как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю, мне будет наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И, может быть, на мой закат печальной
Блеснет любовь улыбкою прощальной.
8-го сентября 1830 г. (Болдино).

О С Е Н Ь

О т р ы в о к

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум.

ДЕРЖАВИН.

1

Октябрь уж наступил; уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад, дорога промерзает;
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей —
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

2

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель: вонь, грязь; весной я болен;
Кровь бродит, чувства, ум тоскою стеснены;
Суровою зимой я более доволен;
Люблю ее снега, в присутствии луны,
Как легок бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под соболем согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

3

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек;
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

4

Эх! лето красное, любил бы я тебя,
Когда б не зной; да пыль, да комары, да мухи.

Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить, да освежить себя —
Иной в нас мысли нет; и жаль зимы старухи,
И проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

5

Дни поздней осени бранят обыкновенно;
Но мне она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно,
Как не любимое дитя в семье родной,
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно:
Из годовых времен я рад лишь ей одной.
В ней много доброго, любовник не тщеславной
Умел я отыскать мечтою своенравной.

6

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева,
Улыбка на устах увянувших видна:
Могильной пропасти она не слышет зева;
Играет на лице еще багровый цвет;
Она жива еще сегодня — завтра нет.

7

Унылая пора, очей очарованье,
Приятна мне твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные зимы угрозы.

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
 Здоровью моему полезен русский холод;
 К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
 Чредой слетает сон, чредой находит голод;
 Легко и радостно играет в сердце кровь,
 Желания кипят; я снова счастлив, молод,
 Я снова жизни полн: таков мой организм
 (Извольте мне простить ненужный прозаизм).

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
 Махая гривую, он всадника несет —
 И звонко под его блистающим копытом
 Звенит промерзлый дол и трескается лед.
 Но гаснет краткий день и в камельке забытом
 Огонь опять горит; то яркий свет лиет,
 То тлеет медленно; а я пред ним читаю,
 Иль думы долгие в душе моей питаю.

И забываю мир, и в сладкой тишине
 Я сладко усыплен моим воображеньем,
 И пробуждается поэзия во мне:
 Душа стесняется лирическим волненьем.
 Трепещет, и звучит, и ищет, как во сне,
 Излиться наконец свободным проявленьем —
 И тут ко мне идет незримый рой гостей,
 Знакомцы давние, плоды мечты моей.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ ИЛИ РУССКИЙ МЕЩАНИН

Вольное подражание лорду Байрону.

Смеясь жестоко над собратом.

Писаки русские, толпой.

Меня зовут аристократом:

Смотри пожалуй — вздор какой.
Я не лейб-кучер, не ассесор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор,
Я просто — русский мещанин.

Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право ей.
У нас нова рождением знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов униженных обломок,
И, слава Богу, не один, —
Бояр старинных я потомок:
Я мещанин, я мещанин!

Не торговал мой дед блинами,
В князья не прыгал из хохлов,
Не пел на клиросе с дьячками,
Не ваксил царских сапогов,
И не был беглым он солдатом
Немецких пудренных дружин.
Куда ж мне быть аристократом —
Я слава Богу, мещанин.

Мой предок Радша службой бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный —
Иван Четвертый — пощадил.
Водились Пушкины с царями,
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолы и коварство
И ярость бранных непогод,

Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын,
Бывало нами дорожили,
Но я . . . я темный мещанин.

Упрямства дух нам всем подгадил;
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин,
Не всяк князь Яков Долгорукой,
Счастлив покорный мещанин.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь Петергофского двора,
Как Миних верен оставался
Паденью Третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин.
И присмирел наш род суровый,
И я родился — мещанин.

Под гербовой моей печатью
Я свиток грамот сохранил,
И не якшаясь с новой знатью,
Я крови спесь угомонил.
Я неизвестный стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я сам большой, не царедворец:
Я грамотей, я мещанин.

1830.

П. С.

Видок Фиглярин, сидя дома,
Решил, что дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.
Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Корме родного корабля;
Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.
И был отец он Ганнибала,
Пред кем, средь гибельных пучин,
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.
Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве — мещанин.
Что ж он в семье своей почтенной?
Он? .. Он в Мещанской дворянин.

16-го октября 1830 года. Болдино.

З А К Л И Н А Н И Е

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

(Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальняя звезда,
Как легкий звук, иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно: сюда, сюда!)

Зову тебя не для того,⁷
Чтоб укорять того, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба;
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... Но тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой. Сюда, сюда!

17-го октября 1830 года. Болдино.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный;
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близь меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня —
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопот?⁸
Укоризну, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?

Я понять тебя хочу,
Темный твой язык учу. . .
Октябрь 1830 год. Болдино.

П Е С Н Я

*Here's a health to thee, Mary
Barry Cornwall*

Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей;
Тихо запер я двери,
И один без гостей,
Пью за здравие Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей
Резвой ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливых дней
Пусть не ведает Мери.
1830.

Р О М А Н С

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму —
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
Он до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

Он себе на шею четки
Вместо шарфа навязал,
И с лица стальной решетки
Ни пред кем не подымал.

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровью
Начертал он на щите.

И в пустынях Палестины,
Между тем как по скалам
Мчались в битву паладины,
Именуя громко дам, —

Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицал он дик и рьян,
И как гром его угроза
Поражала Мусульман.

Возвратясь в свой замок дальный
Жил он, строго заключен,
Все безмолвный, все печальный,
Как безумец умер он.

1830.

Inesilla I am here.
Barry Cornwall

Я здесь, Инезилья,
Стою под окном:
Об'ята Севилья
И мраком и сном!

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном!

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу!
Проснется ли старый —
Мечем уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...
Что ж медлишь?... Уж нет ли
Соперника здесь?

Я здесь, Инезилья,
Стою под окном!
Об'ята Севилья
И мраком и сном!

* * *

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальной
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшного разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: в день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим.

Но там, увы, где неба своды,
Сияют в блеске голубом,
Где под скалами дремлют воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
Исчез и поцелуй свиданья...
Но жду его: он за тобой!..

27-го ноября 1830. Болдино.

К Т Е Н И П О Л К О В О Д Ц А

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Все спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столбов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал и спас...

Внемли ж и днесь наш верный глас:
Встань, спасай царя и нас,
О, старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой —
Явись: вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой!

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей,
Кто твой наследник, твой избранный!
Но храм в моленье погружен...
И тих твоей могилы бранной
Невозмутимый, вечный сон.

1831.

К Л Е В Е Т Н И К А М Р О С С И И

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозой
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:

Кичливый лях. иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас. . .

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы

Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили

Мы тяготеющий над царствами кумир,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?

Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,

От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,

Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди не чуждых им гробов.

2-го августа 1831 г.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Великий день Бородина
Мы братской тризной вспоминая,
Твердили: «шли же племена.
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой,
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

«И что ж? Свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славянов кровь:
Но тяжело будет им похмелье,
Но долгоден будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под лаком северных полей!

«Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прошенные гости,
Уж Польша вас не поведет:
Через ее шагнете кости!»

Сбылось — и, в день Бородина,
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк.

В бореньи падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица,
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.

Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственных набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Куда отвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,

Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутил ли русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор,
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: все стоит она!
А вокруг нее волненья пали —
И Польши участь решена...

Победа! Сердцу сладкий час!
Россия, встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,
Кто покори́л вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому Суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы:
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благославляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.

ПИР ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Над Невою резво выются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселой;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует Царь Великий
В Петербурге—городке?
Отчего пальба и клики,
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровой?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в от'ятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бет,
И пошел на встречу деда
Всею семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь —
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Имениница ль она,
Чудотворца — исполина
Чернобровая жена?

Нет, он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу на врагом.

Оттого-то шум и клики
В Петербурге—городке
И пальба, и гром музыки,
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

1835.

М О Л И Т В А

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлететь во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольных бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста —
И падшего свежит неведомою силой:
«Владыка дней моих: дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей;
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,

Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.»

22-го июля 1835 г.

* * *

Elegi monumentum

Я памятник себе воздвиг не рукотворный;
К нему не заростет народная тропа;
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в нем язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью Божию, о муза, будь послушна:
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

1836 г. Август 21. Кам. Остр.

П О Д Р А Ж А Н И Е Б А Й Р О Н У

(1820 г.)

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаясь упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь,
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам дальним
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края,
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,

Покою, славою свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы младые,
Подруги тайные моей весны златые,
И вы забыты мной!.. Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан!...

* * *

(1821)

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец;
Живу, печальный, одинокий,
И жду: придет ли мой конец?
Так поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

П Е С Н Ь О В Е Щ Е М О Л Е Г Е

(1822)

Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хозарам:
Их села и нивы, за буйный набег,
Обрек он мечам и пожарам.
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса, на встречу ему,
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей — врагов,
Могильной засыплюсь землю?
Открой мне всю правду, не бойся меня;
В награду любого возьмешь ты коня.»

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык,
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могучему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,

То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,
И холод, и сеча ему ничего;
Но примешь ты смерть от коня своего.»

Олег усмехнулся; однако чело
И взор омрачилися думой.

В молчаньи, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит, и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай; уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся, да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

«Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном,
Водой ключевую поите».

И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана. . .

Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

«А где мой товарищ,» промолвил Олег,
«Сажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? все так же ль легок его бег?
Все тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: «На холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.»

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня.»
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят: на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прах напоишь! . .

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертью кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змея,
Шипя, между тем выползала;
Как черная лента вокруг ног обвилась:
И вскринул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела . . .
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои! . . .
Но полно, час настал: гори, письмо любви! . . .
Готов я: ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет. . .
Минуту. . . Вспыхнули. . . пылают. . . легкий дым
Виясь теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатленье,
Растопленный сургуч кипит. . . О, Провиденье,
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют . . . Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди . . .

1825.

* * *

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мира и вина.
Склонись ко мне главою нежной;
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень,

1825.

СОЛОВЕЙ

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет,

И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта,
Глядишь — она цветет; взываешь — нет ответа.
1827.

(ПЕРЕВОД ИЗ А. ШЕНЬЕ)

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою; поет он для забавы,
Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокий,
Как он, без отзыва, утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю...
1827.

У Т О П Л Е Н Н И К

(Простонародная сказка).

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца».
— «Врите, врите, бесенята,»
Заворчал на них отец:
«Ох, уж эти мне ребята!
Будет вам ужо мертвец!»

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего: хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?»—«Вон, тятя, э — вот!»
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец?

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит,
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл, качаясь, как живой;
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу».

В ночь погода зашумела,
Взволновалася река.
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика.
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатях муж лежит;
Буря воет; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.

«Кто там?» — «Эй,пусти, хозяин!» —
«Ну,какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Чорт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно».
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится —
Что же? Голый перед ним;
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим;
Все в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул,
Гостя голого узнав,
Так и обмер: «Чтоб ты лопнул!»
Прошептал он, задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролет,
И до утра все стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настанет,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

1828.

Ш О Т Л А Н Д С К А Я П Е С Н Я

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?»

Ворон ворону в ответ:
«Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый».

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого.

1828.

* * *

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной.
Напоминают мне они
Другую жизнь и берег дальний.

Увы, напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь, и при луне,
Черты далекой, бедной девы...

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь, и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне они
Другую жизнь и берег дальний.

1828.

Э Х О

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

1831.

К И Н Ж А Л

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды.

Где Зевса гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.

Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И, озираясь, он трепещет
Среди своих пиров.

Везде его найдет удар надежный твой:
На суше, на водах, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной.

Шумит под Кесарем заветный Рубикон,
Державный Рим упал, главой поник закон,
Но Брут восстал вольнолюбивый...
Кинжал, ты кровь излил, — и, мертв, объемлет он
Помпея мрамор горделивый.

Исчадь мятежей подьмет злбный крик.
Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом вольности безглавой,
Палач уродливый возник.

Апостол гибельный! Усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал,
И вышний суд ему послал
Тебя и деву—Эвмениду. . .

Свободы мученик, избранник роковой,
О, Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казенном прахе.

Твоей Германии он вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной силе —
И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал.

1821.

М А Д О Н Н А

Не множеством картин старинных мастеров
Украстить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный Спаситель —

Она с величием, Он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желанья, Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

1830.

Т Ы И В Ы

Пустое *Вы* сердечным *Ты*
Она обмолвись заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.

Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нея нет силы;
И говорю ей, как *Вы* милы!
И мыслю: как тебя люблю!

* * *

Ненастный день потух: ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой

Луна туманная взошла...

Все мрачную тоску на душу мне наводит.

Далеко, там, луна в сияньи восходит;

Там воздух напоен вечерней теплотой:

Там море движется роскошной пеленой

Под голубыми небесами...

Вот время: по горе теперь идет она

К брегам, потопленным шумящими волнами;

Там, под заветными скалами,

Теперь она сидит печальна и одна...

Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;

Никто ее колен в забвеньи не целует;

Одна... ничьим устам она не предает

Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.

.....
.....
.....

Никто ее любви небесной не достоин.

Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;

.....
.....

Но если

1824.

Г У С А Р

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не вмеру:
«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру!

Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке;
Насилу щей пустых дадут,
А уж не думай о горелке.

Здесь на тебя, как лютый зверь
Глядит хозяин, а с хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честию, ни нагайкой.

То ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином хоть пару поддавай,
А молодицы — молодушки!

Ей ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки чернобривой.
Одним, одним не хороши...»
— «А чем же? Расскажи, служивый?

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка.

Вот с ней и подружился я;
Живем согласно, так что любо:
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвит грубо;

Напьюсь — уложит, и сама
Опохмелиться приготовит;
Мигну бывало: Эй, кума! —
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись, о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно!
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? враг попутал видно.

Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов! Кто просит?
Шалит Марусенька моя;
Куда ее лукавый носит?

Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря).

И слышу, кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула,

И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла,
И, сев на веник перед печкой,

Разделась донага: потом
Из склянки три раза хлебнула,
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу и улинула.

Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, бусурманка!
Постой, голубушка моя! . .
И с печки слез — и вижу: склянка.

Понюхал: кисло! что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой —
Как фыркнет он! я: брысь! . . И вот
И он туда же за лоханкой.

Я ну кропить во все углы
Сплеча, во что уж ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы,
Марш! марш! все в печку поскакало.

Кой чорт! подумал я: теперь
И мы попробуем! И духом
Всю склянку выпил; верь, не верь —
Но кверху вдруг взвился я пухом.

Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей! . . и на-земь упадаю.

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят, и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Я плюнул и бежать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:
Домой! Кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят! — Но я, не струсая:

Домой? да, чорта с два! почему
Мне знать дорогу? — Ах, он странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный! —

Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, дурень, вот и конь!
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

Садись! — Вот сел я на коня,
Ищу уздечки, — нет уздечки.
Как взвился, как понес меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: все так же; сам же я
Сажу верхом, и подо мною
Не конь, а старая скамья...
Вот что случается порою.»

И стал крутить он длинный ус,
Прибавя: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может-быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.»

1833.

* * *

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованной пятой,
Как змия спящего, раздавят,
И прочь пойдут—и так оставят:
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от Пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил.
Стамбул, для сладостей порока,
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от пота битвы
И пьет вино в часы молитвы.

В нем веры чистый жар потух:
В нем жены по кладбищам ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в гаремы вводят,
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум:
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черпем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Святые воды нас поят;
Толпой бестрепетной и резвой
Джигиты наши в бой летят;
Гаремы наши неподступны,
Евнухи строги, неподкупны,
И смирно жены там сидят.

1830.

* * *

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека, —
Залог величия его.
Животворящая святыня.
Земля была без них мертва;
Без них наш тесный мир пустыня,
Душа — алтарь без Божества.

* * *

Сват Иван — как пить мы станем,
Непременно уж помянем
Трех Матрен, Луку с Петром,
Да Пахомовну потом —
Мы живали с ними дружно,
Уж как хочешь, будь, что будь —
Этих надо помянуть,
Помянуть нам этих нужно. —

Поминать, так поминать,
Начинать, так начинать,
Лить, так лить, разлив разливом —
Начинай же, сват, по́ра —
Трех Матрен, Луку, Петра
Мы сперва помянем пивом,
А Пахомовну потом
Пирогоми да вином.
Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем,
Мастерица ведь была
И откуда что брала?
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины...
Слушать, так душе отрадно —
Кто придумал их так ладно?
И не пил бы, и не ел,
Все бы слушал да глядел.
Стариков когда-нибудь
(Жаль, теперь нам недосужно)
Надо будет помянуть —
Помянуть и этих нужно...
Слушай, сват: начну первой —
Сказка будет за тобой.

1833.

С Т А Н С Ы

[Митрополиту Московскому Филарету на
переделку им стихов 26-V-1828.]

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки

Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.
Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнем душа палима,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.

1830.

* * *

Редает облаков летучая гряда.
Звезда печальная, вечерняя звезда!
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины.
Люблю твой слабый свет в небесной вышине;
Он думы разбудил уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все для сердца мило,
Где стройно тополи в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень.
Когда на хижину всходила ночи тень,

И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

1820.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.
Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой хладной:
Ах лейся, лейся ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне былль! . . .
Фонтан любви, фонтан печальный,
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальней;
Но о Марии ты молчал. . .

Светило бледное гарема!
И здесь уже забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

1820.

* * *

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
О вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!

Вы нас уверили, поэты,
Что тени, легкою толпой,
От берегов холодной Леты,
Слетаются на брег земной
И невидимо навещают
Места, где было все милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертие вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей. . .
Но, может быть, мечты пустые —
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной;
Быть может там, где все блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я. . .
1822.

Т У Ч А

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.
Ты небо недавно кругом обегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром,

И алчную землю поила дождем.
Довольно, сокройся! пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

1835.

Т Р И К Л Ю Ч А

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилась три ключа:
Ключ юности—ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча;
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит,
Последний ключ—холодный ключ забвенья:
Он слаще всех жар сердца утолит.

1827.

* * *

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит,
Летят за днями дни и каждый день уносит
Частичку бытия—а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить—и глядь—как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля—
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

1830.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Биографический очерк	3—11
Козак	13—15
Певец	15
Деревня	15—17
Черная шаль	17—18
Элегия	19
Птичка.	19
Ночь	19—20
Узник	20
Свободы сеятель пустынный	20—21
К морю	21—23
Если жизнь тебя обманет	23
К А. П. Керн («Я помню чудное мгновенье»)	23—24
Зимний вечер	24—25
Пророк.	25—26
Осень и Зима	26—27
Зима.	28
Стансы («В надежде славы и добра»)	29
Зимняя дорога	29—30
Поэт.	30—31
Анчар	31—32
Испанский романс	32—33
Все в жертву памяти твоей.	33
Черкесская песня	34
Приметы	34—35
В альбом	35
Я вас любил	36
Отрывок («На холмах Грузии»).	36
Калмычке	36—37

	Стр.
Делибаш	37—38
Дон	38
Кавказ	38—39
Дорожные жалобы	39—40
Зима („Что делать нам в деревне“)	40—42
Зимнее утро	42—43
Стансы („Брожу ли я вдоль улиц шумных“)	43—44
Бесы	44—46
Паж или пятнадцатый год	46—47
Элегия („Безумных лет угасшее веселье“)	47
Осень (Отрывок)	48—50
Моя родословная	50—52
Постскриптум к „Моей родословной“	53
Заклинание	53—54
Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы	54—55
Песня („Пью за здоровье Мери“)	55
Романс („Жил на свете рыцарь бедный“)	55—56
Я здесь, Инезилья	57
Для берегов отчизны дальней	57—58
К тени Полководца	58—59
Клеветникам России	59—61
Бородинская годовщина	61—63
Пир Петра Великого	64—65
Молитва („Отцы пустынноики и жены непорочны“)	65—66
Я памятник себе воздвиг нерукотворный	66
Подражание Байрону	67—68
Я пережил свои желанья	68
Песнь о вещем Олеге	68—71
Сожженное письмо	72
В крови горит огонь желанья	72
Соловей	72—73
Близ мест где царствует Венеция Златая	73
Утопленник	73—76
Шотландская песня	76
Не пой, красавица, при мне	76—77
Эхо	77
Кинжал	78—79
Мадонна	79
Ты и Вы	80
Ненастный день потух	80
Гусар	81—85
Стамбул гяуры нынче славят	85—86

	Стр.
Два чувства дивно близки нам	85
Сват Иван — как пить мы станем	85—87
Стансы («В часы забав иль праздной скуки»)	87—88
Редееет облаков летучая гряда	88—89
Фонтану Бахчисарайского дворца	89
Люблю ваш сумрак неизвестный	89—90
Туча	90—91
Три ключа.	91
Пора, мой друг, пора!	91

О п е ч а т к и

Стр.:	Строчки:	Напечатано:	Следует читать:
6	5 сверху	на редкость	наредкость
6	8 сверху	экспромты	экспромпы
8	15 сверху	1814	1824
9	13 снизу	в виду	ввиду
14	1 сверху	Воб лаках	В облаках
15	6 снизу	Приветвую	Приветствую
17	11 сверху	Их	Из
23	14 снизу	Николай	Николаевне
28	13 снизу	обнавляет	обновляет
31	7 снизу	зною	зняя
37	6 сверху	погруляешься	погружаешься
58	9 снизу	гraitных	гранитных
61	13 снизу	кичасть	кичаь
64	15 снизу	бет	бот
65	8 сверху	на	над
66	6 сверху	не рукотворный	нерукотворный
66	7 сверху	заростет	зарастёт
69	1 сверху	на встречу	навстречу
72	10 снизу	мира	мирра
80	7 сверху	нея	нее

Approved by U.N.R.R.A. Team 631

BUCH UND KUNSTDRUCK G.m.b.H.
121 033 1 ADNERA - MÜNCHEN 42